

УДК: 141.824/827

Андрей Александрович Коряковцев
кандидат философских наук, доцент Уральского
государственного педагогического университета,
Екатеринбург. E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХИ: ПРОБЛЕМА ЕСТЕСТВЕННОИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДЕЛОВ В МАРКСИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Первая половина XX в. – эпоха широкомасштабных антикапиталистических (социалистических и коммунистических) движений. Их основной движущей силой был промышленный рабочий класс, а одним из влиятельных идейных обоснований – марксизм. Эти движения имели разное эмпирическое воплощение, определяемое конкретными социальными условиями в той или иной стране. В одних странах они проявились в виде острого политического конфликта (политической революции), в других – в виде экономических и политических реформ. Совокупность этих движений можно назвать мировой социальной революцией постольку, поскольку в их результате произошли изменения фундаментальных социальных институтов и явлений: собственности, государственного устройства, социальной психологии и социальных отношений. Однако все эти изменения по отношению к рынку и частной собственности имели характер незавершенного отрицания, иначе говоря, эта социальная антикапиталистическая революция имела незавершенный характер. Последовательно ее незавершенность прямо или косвенно проявилась в советском обществе и в «кейнсианской» модели экономики на Западе. В данной статье рассматриваются причины этой незавершенности. По мнению автора, они коренятся в самой социальной природе промышленного рабочего класса и других социальных слоев, живущих собственным трудом. В свою очередь, их социальная ограниченность имеет своими предпосылками разделение труда, свойственное индустриальному производству и отчужденный характер трудовой деятельности.

Ключевые слова: антикапиталистическая революция, советское общество, кейнсианство, неолиберализм, К. Маркс, марксизм, Ленин, Бернштейн, разделение труда, политическое отчуждение труда, рабочий класс.

Рассматривая советскую эпоху, мы можем констатировать достоверно опираясь на большое количество эмпирических данных, что на всем ее протяжении сохранялись и воспроизводились в тех или иных формах *элементы* капиталистического способа производства: деньги, банковская система, товарообмен, рынок (в том или ином социально-юридическом статусе) и т.д., словом, все, что выражает товарно-денежные отношения. Но в то же время советское общественное сознание, по крайней мере в форме государственной идеологии, воспроизводившей содержание идеологии антикапиталистической революции, не прямо так косвенно претендовало на то, чтобы их превзойти. Даже при поверхностном взгляде на

советское общество, мы сразу, едва начав его анализ, натываемся на противоречие между общественной практикой и общественным сознанием (*общественным воображаемым*), а так же на противоречия в самой общественной практике. Это позволяет сформулировать проблему советского общества так: оно *еще* оставалось капиталистическим, *уже* не будучи таковым.

Противоречие это содержится в самой точке отсчета советской истории – в Октябрьской революции. Она явилась попыткой вытолкнуть общество за пределы капиталистического развития, но ее деятели вынужденно воспроизвели элементы капитализма в своеобразной форме, которую нам предстоит еще исследовать. Весь революционный процесс, начатый большевиками в Октябре 1917 г., вся предпринятая ими переделка социальных связей – это одни сплошные противоречия в практике, противоречия между намерениями и возможностями. Свидетельств тому немало. Раздача земли крестьянам (точнее, *легализация* захваченной крестьянами у помещиков земли), попытка предельно демократизировать управление производством, установив «всеобщий учет и контроль», попытка тотальной национализации, огосударствления. Признание независимости прибалтийских республик (включая Финляндию) и вторжение в Польшу. Декрет о сельхозналоге от 30.10.1918 г. – прообраз будущего продналога, положившего начало нэпу и запрет на торговлю, усиление хлебной монополии. Борьба Ленина с «левыми коммунистами» и благословение им же многих «военно-коммунистических» мер. Административный деспотизм Троцкого и его же записка о нэпе. Апологетику «военного коммунизма» и нэп разделяют недели. Одни и те же люди идут сражаться против «агентов буржуазии» – «на кронштадтский лед», а всего через несколько дней они же дают «добро» основным требованиям этих «агентов»/

Приведенные противоречия подтверждают, что в ситуации, когда правили большевики, не они уже господствовали над обстоятельствами, а обстоятельства господствовали над ними как не познанная, стихийно развивающаяся, действительность. Это *не познанное абстрактное*, как бы носившееся над их головами, представляло собой существенный, определяющий момент их конкретной практической деятельности. Только этим можно объяснить противоречивость их практики, унаследованную последующими поколениями советского руководства и общества в целом. Эти обстоятельства, укорененные в социально-историческом контексте, содержали истину их революции. Она была выражением более широких и глубинных социальных процессов, из природы которых происходило ее собственное объективное историческое содержание.

Смысл этих процессов раскрывается в их общественном результате, где они предстают в наиболее развитом и многостороннем виде. Если каждая новая реальность и теория, ее осмысляющая, является методологическим ключом к пониманию предыдущего исторического этапа («анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны», по К. Марксу), то понимание скрытой логики Октябрьской революции и всего мирового революционно-

го процесса, частью которого она была, коренится в итогах, принадлежащих нашей современности. И так же, как в случае с советским обществом, мы должны здесь начать с исторически *конкретного*, с фактов современности, которые осветят нам смысл предыдущего этапа истории.

Основой экономики капиталистических стран всей послевоенной эпохи продолжает быть рыночный сектор, но сам рынок является *управляемым* экономическими, политическими и правовыми рычагами со стороны государства (ограничивается им). Иначе говоря, современное индустриально развитое общество представляет собой *незавершенное отрицание* капиталистического способа производства. Рынок здесь – часть *сознательного механизма опосредствования социальных связей*, при котором производство подчиняется не столько производству прибыли, сколько производству *показателей*, определяемых идеально (формально). В этом механизме состоит суть данной модели капитализма, которую не меняют ни неолиберализм, ни кейнсианство, ни какая-либо другая социально-экономическая стратегия правительств. Эти стратегии представляют собой только разные варианты реализации этого социального механизма.

Благодаря последнему, буржуазно-бюрократическая корпорация соседствует с «гражданской» буржуазией, не вытесняя ее полностью. Вследствие растущего значения капитализированного чиновничества экономическая зависимость трудящихся дополнилась их административной зависимостью. Но вместе с тем в результате деятельности того же самого социального слоя сложилась система социально ориентированного перераспределения общественного продукта. Она включает в себя разного рода формы неэкономической оплаты за труд в виде социальных программ и «бесплатных» социальных услуг. Последние выступают в двойной форме. Кроме того, что они представляют собой неэкономическую форму оплаты труда и являются средством перераспределения общественного продукта в пользу работающего населения, они выполняют репрессивные функции, ибо в полном объеме распространяются только на лояльных граждан, участвующих в производстве (на *платежеспособных потребителей*). «Социальные услуги» укрепляют зависимость работников от капитала и усиливают их заинтересованность в этой зависимости. В современном индустриально развитом обществе, которое можно назвать, используя выражение Маркса, обществом «всеобщей частной собственности», один и тот же индивид противостоит себе как рабочая сила и как косвенный представитель капитала, заинтересованный в его власти и во власти основанных на нем общественных отношений, коль скоро он является держателем акций, пользователем кредита, социальных пособий и т.д. [2]. Каждый здесь подвергнут двойному отчуждению. При этом сила такого отчуждения увеличивается по причине его неосознанности и осознанной заинтересованности в зависимости от него.

Причиной роста жизненного уровня в послевоенную эпоху стало именно это незавершенное отрицание частной собственности и рынка в форме социально ориентированного государственного управления. Оно

явилось итогом классовой борьбы, шедшей по нарастающей весь XIX в., итогом политического, культурного и экономического развития фабрично-заводского пролетариата. В XX столетии, впервые в мировой истории, рабочий класс прямо или косвенно во всех развитых странах мира стал оказывать непосредственное влияние на общественное развитие. Революционные события, произошедшие в России в Октябре 1917 г., были наиболее драматичным, но все же *эпизодом* этого процесса, однако мощно толкнувшим его вперед. Ленин рассматривал Октябрьский переворот как толчок для революционных событий на Западе.

Новейшая критика большевизма уже достаточно посмеялась по поводу этих надежд. Но разве они в то время не были оправданы? Разве активизация рабочего движения во всех без исключения развитых странах мира пригрезилась большевикам? Разве она происходила только благодаря деньгам германского «госдепа»? Разве не было выступлений пролетариата в Германии, вылившихся в Ноябрьскую революцию? Разве в Будапеште вся власть не перешла в руки «однородно-социалистического правительства» (Ленин)? Разве большевизм не стал всемирным феноменом? Разве повсеместное возникновение коммунистических партий от Аргентины до Швеции не падает именно на конец 1910-х – начало 1920-х гг.? Разве Италия в начале 1920-х гг. не пережила период «красного двухлетия», а Испания в 1930-е гг. – не была охвачена левым республиканизмом, подавление которых привело к установлению фашистских режимов? Разве во Франции в 1936 г. не победил Народный Фронт? Разве Париж в том же году не голосовал преимущественно за коммунистов? Все эти события сливаются в *единую социальную революцию* рабочего класса индустриальной эпохи, занявшую всю первую половину XX в. и имевшую политические и неполитические формы. Ее суть составляет трансформация общественных отношений, имевшая незавершенный характер именно как *антикапиталистическая* революция. В ее контексте и нужно рассматривать Октябрьский переворот, так же, как и последующие за ним события.

Большевики ошиблись не в своих надеждах на мировой масштаб революционного протеста, у них имелись все основания для этих надежд. Они ошиблись позже, полагая, что он *потерпел поражение*, в то время как на самом деле он одержал победу – так, как только и могло победить революционное движение индустриальных рабочих, не способных к непосредственно-общественной деятельности: не столько в политической, сколько в экономической форме. Как указывали Маркс и Энгельс в работе, опубликованной лишь в 1928 г. «установление коммунизма имеет по существу *экономический* (курсив – А.К.) характер: оно – создание материальных условий этого объединения (объединения индивидов – А.К.); имеющиеся налицо условия оно превращает в условия объединения» [6, с. 71]. Массовые протестные выступления рабочего класса, во многом стимулированные Октябрьской революцией и экономическими успехами Советского Союза первых десятилетий его существования, вынудили капиталистов пойти на реформы, по преимуществу *экономические*. Их ре-

зультатом стало вышеупомянутое ограничение рынка, на основе которого возникла *социально ориентированная перераспределительная система*, или *паллиативный, распределительный социализм*, явление столь же необходимое, сколь и противоречивое как исторически первая форма *незавершенного отрицания капитала*.

С учетом этого факта необходимо признать, что капитализм оказался самым недолговечным общественным строем: он просуществовал в своем «чистом» виде (в виде неограниченного господства буржуазии и свободной конкуренции) всего сто лет, породив общественные силы, выходящие за его пределы. Как и указывал Маркс, «теперешнее общество не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения» [3, с. 11]. XX в. и наше время – это уже история *незавершенных форм отрицания* капитализма, его *превращенных форм*. Но такую, единственно возможную и необходимую победу индустриального рабочего движения большевики никак не могли предвидеть. Хотя ее в общих чертах предвидел Маркс, однако его произведения, в которых говорилось об этом, были большевикам недоступны в силу их публикации лишь в период с конца 1920-х по 1970-е гг.

История XX столетия убедительно, *практически* показала, что все успешные попытки обобществления производства в условиях индустриальной технологии и свойственного ей разделения труда означают лишь создание социально ориентированной перераспределительной системы с тем или иным идеологическим обоснованием (от национал-социализма и фашизма (как в Германии или Италии) до социализма (как в СССР и социально родственных странах) или религиозного фундаментализма (как в Иране). Это определяет объективный исторический потолок для всех антибуржуазных движений промышленной эпохи: верно и точно критикуя капитализм, вместо него они ничего не в состоянии предложить на практике, кроме того или иного варианта перераспределительной системы, относящейся к нему не иначе, как *паллиатив*, который сохраняет все его противоречия и только сглаживает их. Если судить с точки зрения конечной цели освободительного движения промышленного рабочего класса – ликвидации господства капитала, то с необходимостью придется констатировать, что оно потерпело поражение. Но это поражение было получено не извне, не со стороны буржуазии, а изнутри, со стороны самого пролетариата. Массовому социально-психологическому типу трудящихся промышленной эпохи реализация этих конечных целей оказалась не нужна. Вынудив власть пойти на реформы, его представители удовлетворились компромиссом с ней. Такой компромисс и воплотился в данном общественном устройстве. Однако это означало изменение самого капитализма: он был вынужден частично *социализироваться*, признать относительность рыночных принципов, стать *укладом*, контролируемым извне, со стороны капитализированной *бюрократии*.

Таким образом, промышленный пролетариат, самым своим положением в капиталистическом разделении труда противопоставленный миру

капитала, оказался способен не преодолеть его, а лишь ограничить, подчинив своим потребностям (хотя бы частично) сферу распределения. Обеспечив господство своих экономических интересов в качестве платежеспособного потребителя (утвердив *экономическую диктатуру* в сфере распределения и в рамках господствующего способа производства), он реализовал собственную социальную природу с наибольшей полнотой и раскрыл ее внутреннюю противоречивость. Следовательно, основное противоречие нашей эпохи – это уже не столько противоречие между трудом и капиталом (оно регулируется в пользу рабочей силы, ее житейских потребностей в условиях *перераспределительного, паллиативного, социализма*), сколько противоречие внутри самого труда между его свойствами средства и потребности, между его необходимостью, всеобщей для всех людей и вынужденной, частной, принудительной необходимостью для рабочего класса.

Это противоречие осознается трудящимися в коренном житейском интересе: как можно меньше работать и при этом как можно больше получать. Мы живем в эпоху, когда это противоречие осознается по мере того, как автономная личность – результат самостоятельной деятельности – становится востребованным наукоемким производством. Чем в большей степени производительные силы позволяют сокращать время, необходимое для труда, тем в большей степени индивид потребительской цивилизации нуждается в его замещении. Но сохраняющееся разделение труда превращает замещение трудового процесса в общественную проблему: его отрицание остается *негативным, незавершенным*. В этих условиях становится общественной проблемой мотивация производительной деятельности, с решением которой полностью уже не справляется ни религия, ни светская идеология, ни материальная заинтересованность. Это порождает психологические и культурные эксцессы «общества потребления» как общества массового досуга. Пока что труд замещает не самостоятельность автономной личности, а ее паллиативы, воплощенные в новых технологиях: компьютеры и Интернет, кинематограф, наркотики, индустрия развлечений. Все они выражают общественное *нежелание трудиться* и действительную тенденцию отрицания труда, хотя и не достигшую развитых форм.

Критика труда, критика социального субъекта труда, выражающая эту тенденцию, поэтому – единственно верная теоретическая позиция, с которой можно взирать на современный модернизированный капитализм. Надо только учитывать, что речь идет о критике труда не от имени и не ради противостоящих ему общественных образований (частной собственности, капитала, государства и т.д.), лишь воспроизводящих ограниченность его предпосылок. Скорее наоборот, эта критика обусловлена как раз тем, что самый субъект труда стал на их сторону: вся социальная мерзость, которая вплоть до XIX в. скапливалась на стороне капитала, в XX–XXI столетиях *воспроизвелась на стороне труда*. Теперь и весь мир труда, воплощенный в итогах освободительных движений фабрично-заводского рабочего класса, должен быть подвергнут критике, как и предыдущая односторонность. Трудность

заключается в том, что эта критика окажется содержательной только с точки зрения несравненно более высоких социальных образований, возникающих в процессе «уничтожения труда» (Маркс, Энгельс) и подразумевающих переход к творческой *самодетельности* в рамках информационного производства. Но эти образования следует еще найти и исследовать, что лежит за пределами нашей темы. В ее рамках нам важно только учесть, что критика социального субъекта труда (в нашем случае – промышленного пролетариата и «трудового крестьянства»), раскрытие его противоречий, содержит ключ к пониманию социальных процессов, в частности революционных, движущей силой которых он был.

Материал для критики труда родился в результате пролетарских революций промышленной эпохи. До них имели место только такие интуиции по этому поводу, как размышления Маркса о «грубом» казарменном коммунизме, рассуждения о «слезинке ребенка» Достоевского, или о цене революционных преобразований Герцена в его «Письмах старому другу». Но без конкретного, развернутого осмысления последствий революционных движений они зависали в воздухе. Исторически почетное и необходимое дело критики труда поэтому оставалось в руках его социальных антагонистов. В этой критике они черпали силу и правоту, искажая ее гуманистический смысл связью со своими классовыми интересами.

Выходит, для того чтобы подчеркнуть ограниченность большевистской революции и предпосылок советского общества, совсем не нужно отделять их ни от промышленного рабочего класса, ни от гражданского общества индустриальной эпохи в целом, ни от мирового революционного процесса тех лет, противопоставляя друг другу. Скорее наоборот: эта ограниченность кроется в их связи. Поэтому нет смысла становиться на сторону тех или иных противников большевиков: они имели те же самые социальные и теоретические предпосылки или стояли ниже их. Только так исследователь может избежать *мифа возвращения*, чреватого идеологическими и теоретическими тупиками, из которых десятилетиями не может выбраться общественное сознание нашей страны.

Неспособность развернуть научную критику труда служит причиной провалов в практическом применении теории марксизма, не преодоленных до сих пор левым движением. Из этого же следует и неспособность левых обосновать позитивную программу отрицания буржуазных отношений эпохи «общества потребления». Во многом это связано с тем, что они до сих пор ориентируются на все ту же социальную силу – фабрично-заводской пролетариат, игнорируя его ограниченные социальные возможности. Обретаясь в рамках разделения труда, свойственного промышленному производству, он способен не на самостоятельное общественное преобразование, а только на то, чтобы устроиться в нем с удобной для себя стороны.

Противоречивость промышленного пролетариата на первых порах проявилась в расколе рабочего класса на «коммунистический» и «социал-

демократический», а в области теории – в дискуссии между марксистами рубежа XIX–XX столетий по поводу «рабочей аристократии» и перспектив пролетарской революции.

Из эмпирического факта улучшения жизни рабочих в развитых странах на рубеже веков первые последователи Маркса могли сделать и сделали два принципиально разных вывода. Э. Бернштейн полностью отказался от мировоззренческих и методологических основ марксизма в пользу неокантианства и заявил об общей несостоятельности марксистского учения о революционном пролетариате. Главная цель рабочего движения – борьба за лучшие условия продажи рабочей силы и комфортное место в социальной системе капитализма. Социалистические лозунги необходимы как ритуальная фраза для предвыборных лозунгов, социализм – это недостижимый идеал, подобно кантовскому регулятивному принципу мобилизующий рабочие массы для повседневной борьбы. Лозунг Бернштейна «Конечная цель – ничто, движение – все» имеет кантовскую подоплеку, он отсылает прямо к «Критике практического разума».

Ленин, осмысляя ту же реальность, в «Что делать?» выдвинул концепцию, согласно которой условия повседневной жизни не позволяют рабочему осознать свои коренные жизненные интересы и выработать социалистическое, небуржуазное сознание. Учитывая опыт XX в., можно к этому правильному суждению добавить, что фабрично-заводской пролетариат самостоятельно способен выработать лишь религиозно-консервативное, националистическое или либерально-потребительское сознание. В рамках каждого из этих видов сознания практический максимум, на который он оказывается способен, – это самоорганизация для борьбы за лучшие условия продажи своей рабочей силы, за социально ориентированную перераспределительную систему, не выходящую за рамки капиталистического способа производства. Так в XX в. возникают *правые* идеологии труда, происходит *идеологическая сублимация* [1]. Идеологии прежнего классового господства используются для обоснования нового социального порядка, в рамках которого промышленный рабочий класс удовлетворяет потребности именно как рабочий класс, не выходя за рамки воспроизводства рабочей силы.

Следовательно, рассуждал Ленин далее, для борьбы за социализм необходимы революционеры-профессионалы, способные привнести социалистические идеи в среду рабочих и создать рабочую партию – авангард пролетариев, руководящий классовой борьбой рабочих. Иначе говоря, политическая революция, не имея возможности выйти за пределы разделения труда на материальный и духовный, чтобы состояться, должна интегрировать его в себя и развиваться по его законам.

На первый взгляд может показаться, что Ленин последовательно проводит идеи «Манифеста Коммунистической партии». Однако между ними имеется разница. Социальная теория Маркса подразумевает, что поведение людей определяют *интересы* житейского свойства. Пролетариат, по его мысли, должен добиться своего освобождения сам, «своею собственной рукой», а

не посредством знания-разума профессионалов-революционеров, пусть даже субъективно и объективно связанных с ним. Поэтому Коммунистическую партию классики марксизма мыслили прежде всего как широкое общественное движение, но не как «авангард класса». Они прямо указывали: «Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям. У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом. Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев разных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на разных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом» [5, с. 437].

Не трудно здесь увидеть связь с поздним учением Маркса о накоплении непосредственно-общественного содержания в рамках капитализма как предпосылке преодоления мира отчуждения, капитала и частной собственности [4, с. 202]. Однако непосредственно-общественное производство, основанное на прямом обмене деятельностью и ее продуктами, ассоциировалось им с фабрично-заводской технологией, и следовательно с фабрично-заводским пролетариатом просто потому, что иных в ту эпоху не существовало. Строй, альтернативный капитализму, понимался как единая всемирная фабрика, в рамках которой происходит обмен трудовыми процессами. Вся сложность такой перспективы еще не была проявлена исторически. Однако в рамках классического марксизма, на почве его же методологии и мировоззренческих предпосылок, возможно поставить такой вопрос: как и почему промышленный рабочий класс, трактуемый самим Марксом как субъект труда, самоотчуждения, как *носитель бесчеловечности*, станет родителем общества воплощенного гуманизма?

Противоречие между тем, что есть субъект труда, и тем, чем он должен стать, Маркс, Энгельс и Ленин пытались разрешить одинаково – посредством его вовлечения в революционную политику. Их всех можно сравнить с профессором Преображенским из булгаковского «Собачьего сердца», их трагическую попытку революционизировать мир труда посредством самого труда – с попыткой превращения собаки в человека, а то, что из этой попытки вышло, случилось с Шариковым. Ибо та практика, которую пролетарские революционеры находили в современности, имела неразвитые, отчужденные, превратные формы, и даже революционная, которая, по их мнению, должна была вести труд к самокритике и самоочищению. Это стало очевидно только с высоты современного опыта, когда появились новые, «информационные» средства общения, преумножающие его возможности, а значит, универсализирующие социальные связи в гораздо большей степени, нежели фабрично-заводская технология. Тогда стало ясно, что Маркс ошибся, отождествив непосредственно-общественное производство с промышленным, и что выполнение всеобщих социальных задач он связал с исторически ограниченным субъектом производства. Его учение осталось поэтому великим теоретическим недо-

носком, не проработанным и не осмысленным до конца ни им самим, ни его ближайшими последователями. Научная критика марксизма может конечно обойтись без мелочного ковыряния в текстах классиков, чем постоянно занимаются их вульгарные «исследователи». Ограниченность марксизма, совершенно очевидно, объясняется не субъективными ошибками его создателей, а объективной ограниченностью конкретной исторической эпохи, не предлагавшей иной технологической основы производства, кроме фабрично-заводской.

Итак, в размышлениях Маркса о всемирно-исторической миссии рабочего класса верно почти все, кроме одного. Если фабричное производство не есть непосредственно-общественное, то вывод получается иной, ставящий под сомнение революционность промышленных пролетариев. В прямом виде этот вывод сделал Бернштейн, в косвенном – Ленин. Поэтому все претензии к ним должны быть адресованы и к классическому марксизму, к его внутренней недоработанности и противоречивости.

Оба эти вывода объективно превращали марксизм в *просветительскую теорию рабочего класса*, методологически и содержательно регрессирующую в домарксову эпоху. Конечно, Ленин продолжал рассматривать трудящихся как движущую силу революции, как и Бернштейн – социальных реформ, но сами общественные изменения и сама политическая борьба трактовались тем и другим мыслителем как объект внешнего управления (в обоих случаях – со стороны специально для этого созданных партийных органов). Это противоречило исходным методологическим и мировоззренческим установкам марксизма. Перефразируя Маркса, по этому поводу Ленина можно было бы спросить: «кто же революционизирует самих революционеров?», а Бернштейна: «кто реформирует самих реформаторов?».

Однако суть дела в том, что все ленинские аргументы, приводимые им в работе «Что делать?», равно как и аргументы Бернштейна, – не плод личных заблуждений или коварного замысла. Все они черпаются из практики политической борьбы, только в разных общественных условиях. Ленин в «Что делать?» исходил из реальностей российского общества того времени, в котором почти напрочь отсутствовали самые элементарные политические свободы, и даже сама буржуазия была политически зависима. Относительно этого общества он был прав. Бернштейн ссылаясь на реальность капитализма, уже вступающего в длительный период структурной перестройки, только на другой манер, в соответствии с уже достигнутым уровнем экономического, политического и культурного развития. Таким образом, подобная мутация марксизма имела объективные социальные предпосылки. Из этого следует, что «Манифест» Маркса и Энгельса, «Что делать?» Ленина и «Условия возможности социализма» Бернштейна одинаково точно отразили потребности рабочего движения, только на разных стадиях развития его противоречий, в разных социально-исторических условиях и в разных идейных формах.

Обосновывая проект пролетарской политической партии, Ленин, хотел он этого или не хотел, способствовал практическому выражению сущ-

ностного противоречия политической революции: между объективной необходимостью для трудящихся масс политики (для защиты прав) и отсутствием у них нужды в ней (в силу погруженности в сферу частных интересов). Оно проистекает из самого их положения в системе капиталистического разделения труда индустриальной эпохи: рабочие объективно противостоят капиталу, будучи лишены собственности на средства производства, но коль скоро производство, в котором они участвуют, не является *непосредственно-общественным*, они противостоят капиталу как обособленные, случайные индивиды, руководимые частным, а не общественным интересом, сплоченные в случайные коллективы. Политическая деятельность является их потребностью, поскольку только участвуя в ней, они удовлетворят свои классовые интересы. Но она же не является потребностью эмпирических пролетариев, ибо их жизненные, житейские цели и задачи лежат вне пределов политической сферы общества.

Политическое отчуждение и самоотчуждение труда сходились в политической практике большевиков, чтобы породить на свет доселе невиданный феномен: *политическое самоотчуждение труда* – ситуацию, в которой отчуждение непосредственных производителей от политики предпослано их самоотчуждением от нее. Эта ситуация – ключевая для понимания причин появления и эволюции обществ, подобных советскому, возникавших и продолжающих возникать из антикапиталистических революций. Она объясняет, почему не было никакого практического, прямого народовластия во время и после Октября, как не было его ни в Великую французскую революцию, ни в Ноябрьскую в Германии, ни в Венгерскую начала XX в., как нет его сейчас нигде на Земле, как не будет его в ближайшем обозримом будущем, по крайней мере до тех пор, пока человечество окончательно не преодолет разделение между материальным и духовным трудом. Не потому, что кто-то мешал или мешает трудящимся брать власть в свои руки, а потому, что они сами не в состоянии это сделать, сдавленные прессом внешней целесообразности и разделения труда в материальное производство и в сферу частных, изолированных интересов. Политика как деятельность по организации, защите и изменению социальных процессов и институтов, их регулированию и контролю, оставалась и остается им чуждой по сей день, как и они политике. Это именно их обоюдное самоотчуждение друг от друга. Трудящиеся, конечно, способны вести политическую и экономическую борьбу, но эта «борьба идет дальше, чем сами борцы» (Ги Равених). Она требует *повседневного, постоянного* участия, и не формального, а практического. Но проблема именно в том, что для этого они должны перестать быть трудящимися. Решение проблемы не в превращении в трудящегося кого-то иного, а в уничтожении самого труда в самой бытовой повседневности индивидов.

Мы указали на фундаментальный фактор, в котором скрыты противоречия, определившие предел антикапиталистической революции промышленной эпохи. Это – объективные, исторически обусловленные, соци-

Коряковцев А.А. Антикапиталистическая революция индустриальной эпохи:
проблема естественноисторических пределов в марксистской традиции

альные возможности промышленного рабочего класса. Дальнейшие исследования покажут, к каким историческим результатам это привело.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Коряковцев А.А.* Идеология социального протеста (противоречия и начальный этап эволюции в советскую эпоху) // СОЦИС : Социолог. исслед. 2010. № 6. С. 35-45.
2. *Коряковцев А.А.* Социальные прогнозы К. Маркса // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2012. Вып. 12. С. 70-85.
3. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. Предисловие к первому изданию // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. М. : Политиздат, 1960. Т. 23. С. 5-11.
4. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 2. М. : Политиздат, 1969. 244 с. (Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс ; т. 46, ч. 2).
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 419-459.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 7-544.

Материал поступил в редколлегию 28.06.2013 г.

Andrey A. Koryakovtsev, Candidate of Philosophy, associate professor, Chair of Political Science and Organization of Work with Youth, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg. E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

**ANTI-CAPITALIST REVOLUTION OF INDUSTRIAL EPOCH:
PROBLEM OF NATURAL-HISTORIC LIMITS ACCORDING
TO MARXIST TRADITION**

Abstract: The first half of the twentieth century was the time of wide-ranged anti-capitalist (socialist or communist) movements. Industrial working class was their main driving force, and Marxism was one of influential ideological source. These movements had different empirical implementation, which were determined by specific social conditions of the particular country. Sometimes, these movements appeared in the form of acute political conflict (political revolution); in other times – in the form of economic and politic reforms. The totality of those movements could be defined as the worldwide social revolution, which resulted in change of fundamental social institutions and phenomenon: property, states, social psychology, and social relations. However, with regard to market and private property, the change was unfinished; in other words, anti-capitalist revolution unfinished by its nature. The unfinished nature directly or indirectly revealed itself in the Soviet society, and in Keynesian economics of the Western countries. The author considers the causes of this incompleteness. According to the author's opinion, they are rooted in the social nature of industrial working class. In its turn, the preconditions of its limited social opportunities are the industrial division of labor, and the alienated character of labor activity.

Keywords: anti-capitalistic revolution, Soviet society, Keynesianism, neo-liberalism, K. Marx, Marxism, Lenin, Bernstein, division of labor, political alienation of labor, working class.

***The transliteration of the list of literature
(from the cirillic to the latin symbols) is submitted below***

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

1. *Korjakovcev A.A.* Ideologija social'hogo protesta (protivorechija i nachal'nyj jetap jevoljucii v sovetskiju jepohu) // SOCIS : Sociolog. issled. 2010. № 6. S. 35-45.
2. *Korjakovcev A.A.* Social'nye prognozy K. Marksa // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-nija Ros. akad. nauk. 2012. Vyp. 12. S. 70-85.
3. *Marks K.* Kapital. T. 1. Predislovie k pervomu izdaniju // K. Marks, F. Jengel's. Soch. Izd. 2-e. M. : Politizdat, 1960. T. 23. S. 5-11.
4. *Marks K.* Jekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov (pervonachal'nyj variant «Kapitala»). Ch. 2. M. : Politizdat, 1969. 244 s. (Sochinenija / K. Marks, F. Jengel's ; t. 46, ch. 2).
5. *Marks K., Jengel's F.* Manifest kommunisticheskoi partii // K. Marks, F. Jengel's. Soch. Izd. 2-e. M. : Gospolitizdat, 1955. T. 4. S. 419-459.
6. *Marks K., Jengel's F.* Nemeckaja ideologija // K. Marks K., F. Jengel's. Soch. Izd. 2-e. M. : Gospolitizdat, 1955. T. 3. S. 7-544.